

Ли Шуанжань машинально постукивала пальцами по столешнице. Ей доводилось видеть немало профессиональных танцоров, и на их фоне техника Вэнь Дай не дотягивала даже до начального уровня.

Однако в этой девушке была какая-то искренняя сосредоточенность, от которой невозможно было отвести взгляд — слегка нахмуренные брови, плотно сжатые губы и глаза, сияющие удивительным блеском.

— А!

Во время одного из поворотов Вэнь Дай внезапно потеряла равновесие.

Споткнувшись правой ногой о левую, она полетела вперед.

В мгновение ока Ли Шуанжань инстинктивно подхватила её.

Лицо Вэнь Дай уткнулось в холодные, пахнущие свежестью объятия.

Она машинально вцепилась в лацканы чужого пиджака и, подняв голову, встретила взглядом с Ли Шуанжань, чье лицо оказалось совсем близко.

Глаза, привычно холодные, сейчас были слегка расширены, а горячее дыхание щекотало щеку.

— С-спасибо, старшая... — Вэнь Дай попыталась выпрямиться, но случайно наступила Ли Шуанжань на ногу.

Ли Шуанжань тихо шикнула, но объятия только крепче сжались:

— Не двигайся.

Они стояли так близко, что Вэнь Дай чувствовала тонкий древесный аромат, исходящий от Ли Шуанжань, смешанный с жасминовым запахом её собственного шампуня.

С запозданием она осознала, что рука Ли Шуанжань крепко лежит у неё на талии, и тепло ладони ощущается даже сквозь тонкую ткань тренировочного костюма.

— База никудышная, — Ли Шуанжань внезапно отстранилась, и её голос вновь стал холодным и отстраненным, — но... стараешься.

Она развернулась и зашагала к судейскому столу, а её черные волосы мягко блестели в свете ламп.

— Со следующей недели начнешь ходить на репетиции, — не поднимая головы, она что-то записывала в ведомость. — По средам и пятницам вечером, а также в субботу и воскресенье днем будет приходить преподаватель. Есть испытательный срок — один месяц, будем отрабатывать разные стили.

Вэнь Дай моргнула:

— Я... прошла?

Ли Шуанжань наконец подняла взгляд, и в её янтарных глазах промелькнула едва уловимая усмешка:

— Что, не хочешь приходить?

— Хочу! — выпалила Вэнь Дай, но тут же испугалась своей поспешности и добавила тише: — Я хотела сказать... спасибо, что дали мне этот шанс.

Уходя из зала, Вэнь Дай оглянулась.

Ли Шуанжань о чем-то беседовала с другими судьями, её профиль в свете ламп казался изысканным, словно на картине. Почувствовав взгляд, она внезапно обернулась и посмотрела прямо на неё.

□Уровень неприязни Ли Шуанжань +1!□

Вэнь Дай: «...»

Да что ж такое, почему она снова повышает уровень неприязни? Она же только что её поддержала!

...

В ту ночь Вэнь Дай ворочалась в постели, не в силах уснуть.

Телефон внезапно завибрировал — пришло уведомление из группы танцевального кружка.

Она открыла список участников. Аватаркой Ли Шуанжань был заснеженный пейзаж, а никнейм состоял из одного иероглифа «Иней».

Сама не зная почему, она нажала на окно чата.

— Старшая, спасибо за сегодня.

Отправив сообщение, она тут же пожалела об этом.

Писать так поздно — это ведь бестактно, правда? Она уже хотела удалить сообщение, как экран телефона вспыхнул.

— Угу.

Всего одно слово.

Вэнь Дай уставилась на экран, не зная, что ответить.

Собеседница прислала ещё одно сообщение:

— Твой шампунь. Какой марки?

Вэнь Дай опешила, но тут же напечатала:

— Это серия Весенний жасмин от бренда XX! Старшей нравится? Я могу прислать ссылку!

Отправив ответ, она снова решила, что была слишком навязчивой, и поспешно добавила стикер с котиком.

На этот раз пришлось ждать долго. Вэнь Дай уже решила, что ответа не будет, как телефон снова загорелся.

— Не надо.

□Уровень неприязни Ли Шуанжань +1!□

Вэнь Дай в сердцах отшвырнула телефон в сторону. Да что с этой женщиной не так?!

...

В танцевальном корпусе Ли Шуанжань стояла одна посреди пустого класса.

Лунный свет просачивался сквозь панорамные окна, очерчивая её фигуру серебристым контуром.

Она взяла телефон, посмотрела на стикер с котиком, присланный Вэнь Дай, и уголки её губ невольно поползли вверх.

Палец скользнул по экрану, она открыла приложение для покупок и вбила в поисковую строку: шампунь Весенний жасмин бренда ХХ.

Вэнь Дай каждый раз привлекала внимание преподавателей, оставляя о себе яркое впечатление, отчего ей хотелось плакать.

Время пролетело быстро, наступила среда.

Едва Вэнь Дай успела выложить пост в соцсети в обед, как система оповестила, что уровень неприязни Янь Жунъюэ и Юнь Лосинь вырос на 5 очков. Иногда она искренне не понимала, что творится в головах у этих двоих.

После обеда предстояли лекции, а перерыв был коротким, поэтому Вэнь Дай не стала возвращаться в общежитие, а сразу пошла в учебный корпус.

К вечеру здание окутали сумерки. Вэнь Дай стояла перед дверью кабинета 3102 и глубоко вздохнула.

Вдруг раздался давно не звучавший сигнал системы.

□Динь! Обнаружен высокий уровень концентрации Дочери удачи!□

□Имя: Чу Хуа□

□Статус: студентка второго курса факультета искусств университета Линчуань / глава пресс-центра университетской газеты□

□Начальный уровень неприязни: 0 (не активирован)□

Сквозь приоткрытую дверь просачивался теплый желтый свет.

В центре за столом сидела интервьюер в кремовом вязаном свитере, её черные волосы были небрежно собраны в низкий пучок, а жемчужные серьги мягко поблескивали у ушей.

Когда она опускала взгляд, её ресницы отбрасывали на щеки тени, похожие на невысохшие

акварельные мазки.

В её серо-голубых глазах, подернутых дымкой, словно пряталось пасмурное небо, и лишь когда она изредка поднимала взгляд, становилось заметно, как глубоко внутри мерцают звезды, скрытые облаками.

Бледная кожа, казалось, была следствием того, что она редко выходит на улицу, а губы холодного розового оттенка, слегка опущенные в уголках, придавали лицу выражение вечной задумчивости. От неё исходила атмосфера мягкой, влажной и нежной меланхолии.

— Следующая, Вэнь Дай.

В момент, когда Вэнь Дай толкнула дверь, их взгляды встретились.

Чу Хуа задумчиво вертела в пальцах авторучку, глядя на неё так, будто пыталась прочесть мысли, но, поймав ответный взгляд, внезапно улыбнулась.

Вэнь Дай смотрела на Чу Хуа, думая, что сначала лучше наладить отношения, а потом уже зарабатывать неприязнь, иначе как она попадет в пресс-центр?

Сидевший рядом Сун Чжаолин ободряюще улыбнулся, и кончик его ручки зашуршал по блокноту.

— Представься, пожалуйста, — Чу Хуа откинулась на спинку стула, приняв расслабленную позу.

Вэнь Дай поставила сумку у ног. Сегодня она специально надела светло-голубую рубашку и бежевые брюки — наряд был одновременно деловым и свободным.

— Я Вэнь Дай, первокурсница факультета китайского языка и литературы. Я полна энтузиазма по поводу журналистики, увлекаюсь фотографией и написанием статей, обладаю хорошим слогом и умею замечать актуальные темы. Надеюсь, что смогу получить ценный опыт в пресс-центре.

Голос Вэнь Дай звучал чисто и уверенно.

Чу Хуа подняла голову, обнажив четкие черты лица. Она подперла подбородок рукой, несколько секунд изучая девушку.

— Почему ты хочешь вступить в пресс-центр? — первым задал вопрос парень справа.

Вэнь Дай слегка улыбнулась:

— Потому что я хочу фиксировать истории нашего кампуса. Журналист — это не просто сторонний наблюдатель, а свидетель эпохи. Газета может быть небольшой, но каждый человек, у которого берешь интервью, заслуживает того, чтобы его услышали.

Чу Хуа едва заметно приподняла бровь и отложила ручку:

— У тебя есть опыт в этой сфере?

— В старшей школе я была редактором школьной газеты. — Это был выдуманный опыт, который невозможно было проверить, но за пять лет журналистской карьеры в прошлой жизни Вэнь Дай научилась врать безупречно. — Но главное, я умею наблюдать и слушать.

— О? — Чу Хуа, кажется, заинтересовалась. — Приведи пример.

Взгляд Вэнь Дай скользнул по левому запястью Чу Хуа — там были старинные механические часы с потертым ремешком.

— Например, ваши часы. Цифры на циферблате в стиле Бреге, головка слегка окислилась. Наверное, это памятный подарок от старшего родственника, который очень много для вас значит, поэтому вы не хотите менять ремешок, даже несмотря на потертости.

Выражение лица Чу Хуа на мгновение застыло, пальцы машинально погладили ремешок.

— Почему ты решила, что это подарок от родственника? — голос её стал тише.

— Механические часы требуют регулярного ухода. Если бы вы купили их сами, то следили бы за состоянием заводной головки. Но раз они дороги вам как память, значит, вы носили их долго и предпочитаете оставить всё как есть, — тихо пояснила Вэнь Дай и добавила: — Конечно, это лишь моё предположение, оно может быть ошибочным.

В глазах Чу Хуа мелькнуло удивление, но она быстро взяла себя в руки:

— Наблюдательность неплохая. Допустим, тебе нужно взять интервью у профессора, который отказывает всем СМИ. Что ты сделаешь?

Это была первая трудная задача, с которой Вэнь Дай столкнулась на стажировке в прошлой жизни.

Она чуть не выпалила стандартный ответ, но вовремя прикусила язык — первокурсница не должна отвечать настолько профессионально.

— Сначала я изучу причину отказа, — она сделала вид, что задумалась на несколько секунд. — Если он боится искажения фактов, я предложу ему право на вычитку. Если дело во времени — составлю кратчайший план интервью. А если он просто не любит журналистов... я притворюсь студенткой, попрошу совета по академическим вопросам, а в процессе беседы плавно перейду к нужной теме.

Чу Хуа внезапно рассмеялась, и эта улыбка была подобна солнечному лучу, пробившемуся сквозь облака:

— Хитрый, но эффективный подход.

Она повернулась к остальным судьям:

— Думаю, можно дать ей практическое задание.

Дальше вопросы становились всё сложнее: от профессиональной этики до техники интервью, от работы в экстренных ситуациях до планирования глубоких репортажей.

Вэнь Дай осторожно контролировала глубину ответов: нужно было показать талант, но не переборщить.

Она заметила, что глаза Чу Хуа светятся всё ярче, она даже несколько раз перебивала коллег, чтобы лично уточнить детали.

— Последний вопрос, — Чу Хуа подалась вперед. — Если ты обнаружишь, что статья может

нанести ущерб репутации университета, но факты неоспоримы, как ты поступишь?

Это была дилемма, с которой Вэнь Дай столкнулась в прошлой жизни.

Она прямо посмотрела в глаза Чу Хуа:

— Истина всегда на первом месте. Но как журналист школьной газеты я сначала свяжусь с соответствующими отделами, дам им шанс прокомментировать ситуацию и отражу это в статье. Ответственность лежит не на том, кто раскрывает проблему, а на том, кто её создал. Впрочем, полагаю, университет не даст мне опубликовать материал, поэтому всё, что я смогу сделать — это доложить о проблеме и ждать решения.

Зрачки Чу Хуа слегка расширились, она откинулась на спинку стула и постучала пальцами по столу.

Вэнь Дай почувствовала, как атмосфера в кабинете изменилась. Судьи переглядывались, а Сун Чжаолин в углу беззвучно аплодировал.

— Спасибо за ответ, — голос Чу Хуа стал мягче. — Мы сообщим о результатах в течение недели.

Вэнь Дай встала и поклонилась. Когда она уже развернулась, чтобы уйти, услышала:

— Подожди.

Она оглянулась и увидела, что Чу Хуа встала, взяла анкету Вэнь Дай и направилась к ней, обходя стол.

Этот жест явно застал остальных врасплох, кто-то даже открыл рот от удивления.

— Я провожу тебя, — сказала Чу Хуа тоном, не терпящим возражений.

Они шли по коридору друг за другом, и в тишине было слышно лишь их дыхание. Чу Хуа была на полголовы выше Вэнь Дай и двигалась с естественной элегантностью.

— Твои ответы не похожи на ответы первокурсницы, — внезапно произнесла Чу Хуа, глядя прямо перед собой.

Сердце Вэнь Дай пропустило удар:

— Возможно... потому что я читала много книг по теме?

— В книгах не учат таким деталям, — Чу Хуа остановилась и обернулась к Вэнь Дай. — У меня даже сложилось впечатление, что ты опытнее меня. Твои ответы были безупречны. Я больше тяготею к новым медиа и мало знаю о традиционной прессе, но у меня такое чувство, будто ты проработала в ней не один год.

Солнечный свет падал сквозь окно в конце коридора, создавая причудливую игру теней между ними.

Вэнь Дай почувствовала тонкий аромат парфюма Чу Хуа. Они стояли так близко, что она видела тени от ресниц и изящную линию ключиц.

— Я просто человек, который хочет стать хорошим журналистом, — после долгой паузы ответила Вэнь Дай.

Проницательность Чу Хуа превзошла все ожидания.

В глазах Чу Хуа мелькнуло нечто туманное:

— Что ж, представляюсь официально. Меня зовут Чу Хуа. Чу — как в Чуских строфах, Хуа — «цветок».

— Старшая Чу. — Вэнь Дай отступила на полшага, увеличивая дистанцию. — В любом случае, сегодняшний разговор был для меня очень полезен.

Чу Хуа с полуулыбкой посмотрела на неё:

— Лишние любезности ни к чему. Я хочу сказать: у тебя отличные данные, ты вполне заслуживаешь места у нас.

Вэнь Дай приподняла бровь:

— Только заслуживаю места? Мне кажется, я подошла бы на должность главы пресс-центра лучше, чем вы.

Чу Хуа лишь легко усмехнулась, в её серо-голубых глазах не отразилось никаких эмоций:

— Я не питаю неприязни к людям, которые не боятся проявлять амбиции. Ты можешь показать всё, на что способна. Я буду ждать того дня, когда ты меня заменишь.

Вэнь Дай замерла. Она была уверена, что сейчас уровень неприязни вырастет, но Чу Хуа, похоже, не ненавидела высокомерных людей?

Более того, Чу Хуа сама предложила обменяться контактами.

После того как они добавили друг друга, Вэнь Дай попрощалась:

— Тогда, если вопросов больше нет, я пойду.

Когда Вэнь Дай ушла, Чу Хуа осталась стоять у окна, машинально потирая часы на запястье.

Цифры на циферблате поблескивали в лучах заката, и звук тиканья секундной стрелки казался ей особенно четким.

— Бабушка, кто-то догадался... — тихо прошептала она, и в её глазах мелькнула печальная улыбка.

Стрелки продолжали свой точный ход, следуя профессиональному кредо её бабушки: правда, точность, непрерывность.

Эти часы были подарком на шестнадцатилетие.

— Почему именно механические? — спрашивала она тогда.

Её бабушка, чьи седые виски поблескивали в свете лампы, ответила с добротой:

— Потому что электронные часы могут разрядиться, а механические не остановятся никогда. Точно так же, как моё стремление к истине. Хуа-Хуа, эти часы подарил мне твой дед, когда я работала военным корреспондентом в Белграде. Они видели вес правды. Береги их.

Воспоминания нахлынули волной.

Чу Хуа закрыла глаза, словно снова видя пожелтевшие фотографии в кабинете бабушки: миниатюрная женщина с решительным взглядом держит камеру на фоне поля боя.

— Я думаю, кто-то в семье Чу должен продолжить моё дело, — всегда говорила бабушка, поглаживая снимки.

Но мать отказалась.

Бабушка говорила, что в тот день шел проливной дождь.

— Сколько можно заработать журналистикой? — голос матери был резким и неприятным. — Мне нужны реальные деньги! Старое поколение настрадалось, неужели мы, молодые, не можем пожить в достатке?

Мать воспользовалась волной перемен и стала богатейшей женщиной города.

Но потом она вышла замуж за отца — мужчину, чей рот был полон сладких речей.

Чу Хуа помнила, как мать шаг за шагом разоряли, как она прыгнула с восемнадцатого этажа в ту дождливую ночь.

А отец, прихватив новую страсть и все деньги матери, бросил её, старшеклассницу, на произвол судьбы.

Пока отец по телевизору рассуждал о «бизнес-трансформации», рабочие сбивали логотип компании матери со стен офисного здания.

Этот неблагодарный человек стал магнатом недвижимости, но ни словом не обмолвился, что его стартовый капитал был приданым его жены.

— Хуа-Хуа, переезжай к бабушке.

Ей было семнадцать. Руки бабушки, теплые и шершавые, казалось, могли исцелить любые шрамы.

С семнадцати лет и до сих пор она вела тяжбу со своим родным отцом.

Чу Хуа открыла глаза. За окном уже совсем стемнело.

Она посмотрела на часы: каждая потертость на ремешке была следом времени.

И как эта первокурсница Вэнь Дай смогла разглядеть всё это с одного взгляда?

— Опытнее меня... — Чу Хуа повторила свою оценку, и уголки её губ изогнулись в холодной усмешке.

— Вэнь Дай... — она произнесла это имя, глядя на анкету, которую крепко сжимала в руке.

Палец скользнул по фотографии. Улыбка Вэнь Дай была яркой и уверенной, а в глазах мерцал свет, который она так хорошо знала — тот самый, что вспыхивал у бабушки каждый раз, когда она говорила о репортажах.

— Кто ты... на самом деле? — пробормотала она, чувствуя странное возбуждение.

Давно она не испытывала ничего подобного. С тех пор как решила отомстить отцу, её жизнь стала тщательно отрепетированным спектаклем, где каждый шаг был выверен до мелочей.

Но Вэнь Дай стала случайностью.

Чу Хуа подошла к окну. Ночь полностью поглотила кампус.

Её пальцы постукивали по раме в быстром, неровном ритме.

□Бабушке бы она понравилась.□

Эта мысль внезапно ворвалась в сознание, Чу Хуа замерла, а затем самоиронично усмехнулась.

С каких пор её стало волновать мнение бабушки?

Решив пойти по стопам матери, она уже предала бабушкины ожидания.

Но в Вэнь Дай было всё то, что так ценила бабушка: проницательность, упорство и почти фанатичное стремление к правде.

Мысли Чу Хуа вернулись к интервью.

Когда Вэнь Дай сказала, что «ответственность лежит не на том, кто раскрывает проблему, а на том, кто её создал», её решительный взгляд заставил сердце Чу Хуа биться чаще.

Такой профессионализм, такая легкость, такая острота, которая приходит только после многих лет работы на передовой — это совсем не похоже на первокурсницу.

В глазах Чу Хуа мелькнула тень. Возможно, за Вэнь Дай тоже скрывается какая-то нерассказанная история.

За окном подул ветер, зашуршала листва.

Чу Хуа подняла голову и увидела в отражении стекла своё лицо: бледная кожа, серо-голубые глаза, слегка опущенные уголки губ.

В памяти всплыло выражение лица матери перед прыжком. Их лица были так похожи, и в то же время так отличались.

— Я не повторю твоих ошибок, мама, — тихо сказала она. — Я верну всё по-своему.

Чу Хуа взяла телефон и, помедлив, набрала номер бабушки.

— Хуа-Хуа?

Голос бабушки был по-прежнему бодрым, совсем не как у семидесятилетней женщины.

— Бабушка, сегодня на собеседовании я встретила одну интересную студентку, — Чу Хуа постаралась, чтобы голос звучал легко. — Она с одного взгляда поняла, что мои часы — подарок от старших. И по тому, как она отвечала, мне показалось, что она уже несколько лет работает в журналистике.

На том конце провода помолчали несколько секунд.

— Как её зовут?

— Вэнь Дай. Вэнь от «тепло», Дай от «Линь Дайюй».

— ...Интересно, — голос бабушки стал серьезным. — Хуа-Хуа, некоторые люди рождены для этого дела. Если она действительно такая, как ты говоришь...

— Я буду присматривать за ней, — Чу Хуа прервала бабушку. Она слишком хорошо знала, что последует дальше — лекция о миссии журналиста и ценности правды.

Но сейчас у неё не было настроения слушать, поэтому она поспешно попрощалась и закончила разговор.

— Значит, она подходит на роль главы пресс-центра лучше, чем я?

<http://bllate.org/book/18829/1833126>